

Глава 1. Истоки. Часть первая

Наступила пора Бэйлу — «Белых рос». Воздуху полагалось стать прохладным, но зной, точно досадная помеха, не желал покидать мир даже с приходом сумерек. Лишь на ржавых прутьях тюремной решётки вопреки жаре задрожали капли влаги, одна за другой — круглые, безупречные в своей простоте.

Полнолуние едва вступило в свои права, но сияние его было столь яростным, будто оно вознамерилось превратить глубокую ночь в ослепительный день. Острый луч пронзил мрак, заставив росу на железе вспыхнуть хрустальным блеском, пробрался сквозь узкий зазор между прутьями и нырнул в тесное, душное нутро темницы. Там он замер, коснувшись рукава изысканного одеяния цвета «лунной белизны». То был лучший шуский шёлк; и хоть на манжетах не было ни единого стежка вышивки, наряд дышал неоспоримым величием. Однако кисть, выглядывавшая из рукава, заставляла эту роскошную ткань казаться не дороже грубой мешковины. Тонкие длинные пальцы с четко очерченными фалангами, безупречные в своей форме, белели в полумраке, точно застывший иней.

— Господин, Хань Ши лишился чувств, — донёлся чей-то почтительный голос.

Обладатель прекрасных рук, Сяо Юэбай, лениво полулежал на мягкой кушетке. Услышав донесение, он бросил мимолётный взгляд на стоящий подле низкий столик, где в чаше остывал чай «Мондин Ганьлу».

— Цзычжао, чай остыл, — небрежно бросил он. — Ступай, завари свежего.

Лу Цзычжао замер в замешательстве. С тех пор как чай подали, Сяо Юэбай к нему даже не прикоснулся — зачем же так скоро требовать новую порцию? Впрочем, гадать о помыслах господина он не смел. Поклонившись, он бесшумно удалился.

Стоило Цзычжао уйти, как Сяо Юэбай поднялся и подошёл к обмякшему Хань Ши и, не выказывая ни капли брезгливости, подхватил стоящее рядом ведро с соляным раствором. В следующее мгновение всё содержимое обрушилось на пленника.

Хань Ши истязали весь день, на его теле не осталось ни единого живого клочка плоти. Солёная вода без остатка впитывалась в разверстые раны, вгрызаясь в самую суть живого мяса. Невыносимая боль вырвала его из забытья. Он судорожно рванулся, но лишь огласил камеру звоном тяжёлых кандалов — цепи намертво сковали его конечности. Силы быстро иссякли, и он, поникнув головой, лишь хрипло хватал ртом воздух.

Сяо Юэбай неспешно приблизился к нему. Он коснулся мокрой щеки пленника, плавно проведя мягкой ладонью по сетке багровых рубцов.

— Господин Хань, неужели вам совсем нечего мне сказать? — вкрадчиво прошептал он.

Это прикосновение было столь ласковым, будто Сяо Юэбай гладил любовника, но Хань Ши пробрало до костей ледяным ужасом. Он весь задрожал, а боль, казалось, вспыхнула с новой силой.

Человек перед ним был пугающе красив: отточенные черты лица, безупречный костяк, а в глазах-фениксах, подёрнутых дымкой мягкого весеннего света, таилась обманчивая кротость. Однако те, кто знал его, не обольщались. Всего за пять лет этот человек проделал путь от неизвестного уездного судьи до канцлера, а ещё через год захватил в свои руки такую власть, что смог принудить самого Императора к браку с собой.

Хань Ши с трудом отвернулся, избегая чужих прикосновений. Он хранил молчание.

Сяо Юэбай не рассердился. Он лишь тяжело вздохнул, и в этом звуке послышалась такая скорбь, будто участь Хань Ши разбивала ему сердце.

— Хань Ши, я уважал твою стойкость и хотел оставить твоё тело нетронутым для погребения, но... — он сделал короткую паузу и продолжил: — Неужели тебе так хочется уйти из этого мира по кускам? Что ж, я готов исполнить это желание.

Договорив, он обернулся к застывшему в дверях Лу Цзычжао.

— Цзычжао, я просил тебя заварить «Мондин Ганьлу». Чай готов, так почему ты стоишь в дверях как истукан? Подавай.

Цзычжао поспешно поставил поднос на столик у кушетки, наполнил пиалу и поднёс господину. Сяо Юэбай не сразу принял её — он вальяжно опустился на мягкие шкуры, которыми была устлана кушетка, и лишь тогда пригубил напиток.

Сделав глоток, он вновь посмотрел на пленника. Хань Ши ожидал, что сейчас последует приказ о его казни, но канцлер лишь бросил помощнику:

— Цзычжао, с каждым разом твоё мастерство в чайном искусстве всё совершеннее.

Едва чаша опустела, послышались торопливые шаги. Спустя мгновение в нескольких шагах от Сяо Юэбая замер гость. Канцлер лишь вскинул взгляд — это предсказуемо был Янь Сюнь.

Юноше едва исполнилось шестнадцать. Черты его лица ещё хранили детскую мягкость, но во взгляде уже читалась готовность к жестокой борьбе, а в каждом движении сквозило высокомерие истинного сына небес. Он был облачён в простые на первый взгляд чёрные одежды, однако ткань — плотный дорогой шёлк — отливала благородным блеском, скрывая в своих складках сложный узор из тёмных цветов.

— Канцлер Сяо, — бесстрастно произнёс он, но стоило его взору упасть на истерзанного Хань

Ши, как лицо Императора исказилось.

Сяо Юэбай отставил пиалу, поднялся и неспешным шагом подошёл к Янь Сюню. Он отвесил формальный поклон, после чего, выпрямившись, бесцеремонно взял юношу за руку. Поглаживая его пальцы, он с притворной заботой осведомился:

— Ваше Величество, зачем вы пожаловали в это зловонное место?

— Гу... — Янь Сюнь попытался вырвать руку, но Сяо Юэбай неожиданно резким движением увлёк его в соседнюю, пустую камеру.

Там канцлер грубо прижал его к стене, на которой ещё виднелись бурые пятна чужой крови. Янь Сюнь забился в его руках, охваченный негодованием.

Сяо Юэбай, удерживая его, при свете луны пристально вглядывался в лицо юноши. Он коротко рассмеялся, подался вперёд и властно поцеловал его, терзая губы и вынуждая Императора открыться.

Янь Сюнь зажмурился. Он покорно разомкнул зубы, впуская этого демона, и в камере воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками их тяжёлого дыхания.

Внезапно снаружи послышался топот множества ног. Около десяти человек остановились у входа.

— Господин Лу, какой-то юноша только что прорвался внутрь, но мы не можем его отыскать...

Лу Цзычжао лишь лениво махнул рукой:

— Ступайте прочь.

— Но... — стражник Дали-сы колебался.

Ведь юноша проскочил прямо у него под носом. Он боялся гнева Сяо Юэбая, если тот узнает о нарушителе. Но в этот самый момент канцлер начал бесстыдно ласкать его тело под одеждой.

Янь Сюня захлестнула волна жгучего стыда. Он — правитель Поднебесной, и пусть власть его попорана этим негодяем, но терпеть подобные унижения в тюремных застенках было выше его сил. В этот миг он чувствовал себя грязнее последнего наложника из весёлого квартала.

Тихий стон готов был сорваться с его губ под умелыми пальцами мучителя. Руки Янь Сюня были крепко прижаты к стене, губы — во власти Сяо Юэбая, он не мог даже прикусить

собственный язык, чтобы смолчать. Если этот звук вырвется наружу, все узнают, что здесь, во тьме темницы, канцлер оскверняет величие Императора. В отчаянии он уставился на Сяо Юэбай умоляющим взглядом.

Эта мольба доставила канцлеру истинное наслаждение. Не желая ломать юношу окончательно, он прильнул к его рту, заглушая этот беспомощный, сладкий всхлип.

Наконец стражники ушли.

Сяо Юэбай нехотя отстранился, но не выпустил Янь Сюня, властно обхватив его за талию и притянув к себе. Склонившись к самому уху юноши, он насмешливо прошептал:

— Ваше Величество, до нашей свадьбы осталось всего три дня. Неужели вы так сильно тосковали по мне, что не вытерпели и пришли сами?

Янь Сюнь с силой оттолкнул его. Тяжело дыша, он смотрел прямо в глаза канцлеру.

— Отпусти Синчжи, — отрывисто произнёс он.

Хань Ши, носивший имя Синчжи, был старшим двоюродным братом Императора и всегда был к нему добр.

Сяо Юэбай отступил на пару шагов, он тонко улыбнулся.

— Синчжи? Вы зовёте его так ласково... Неужели наше Величество влюбилось в него?

— Нет! — отрезал Янь Сюнь. — Он всегда был предан мне. Ты бросил его в Дали-сы без всякого повода, это нарушает все законы!

— Законы? — Сяо Юэбай холодно рассмеялся. — Что есть закон? Я и есть закон!

Он медленно окинул взглядом фигуру Янь Сюня, задержавшись на распахнутом воротах его одежд, обнажавшем бледную грудь.

— Твой нынешний вид пробуждает во мне желание обласкать тебя, — вкрадчиво добавил он. — К чему портить такой момент разговорами о скучных законах?